

УДК 930.2(47)

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.22-34

ГИГИЕНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НОМАДОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ XIII – XV вв.

Л.Ф. Абзалов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые аспекты гигиенической культуры кочевников XIII – XV вв., населявших степные просторы Евразии, прежде всего в рамках государств, основанных Чингиз-ханом и его наследниками. Учитывая традиционный характер общества номадов евразийских степей (так называемой Великой степи), автор использует этнографические материалы, освещающие жизнь кочевников более поздних эпох (XVI – XX вв.), проецирует и экстраполирует эти данные на представителей кочевых обществ указанных государств. Внимание акцентируется на гигиенических процедурах номадов, связанных с гигиеной тела, а именно с гигиеной лица, рук, волосяного покрова головы. Установлено, что обычаи в данной сфере, принятые у номадов, в значительной мере обусловлены объективными факторами, в частности природно-климатическими и хозяйственно-бытовыми условиями жизни. Немалую роль в этом играли и факторы духовные, связанные с мировоззренческими структурами населения государств Чингизидов. Познания в гигиене и практика кочевников в целом были однородны, но при этом могли наблюдаться некоторые особенности, связанные с этнокультурной принадлежностью номадов.

Ключевые слова: личная гигиена, гигиенические процедуры, кочевники, Великая степь, государства Чингизидов

Изучение обычаев в сфере гигиены, распространенных среди кочевников государств Чингизидов, объединивших многочисленные племена и народности с различным бытовым укладом и образом жизни, что оказало влияние среди прочего и на гигиенические представления и практику, осложняется поликультурностью кочевого населения. Говорить о единой, полностью идентичной гигиенической культуре кочевников не приходится. Более того, следует отметить, что гигиеническая практика могла различаться даже у тех народов, которые вели сходный образ жизни, и здесь ключевую роль, возможно, играли носившие сакральный характер мировоззренческие установки и религиозные представления относительно чистоты тела, жилища, в целом связанные с внешней и внутренней чистотой.

Сложность рассматриваемого аспекта жизни номадов заключается еще и в том, что может возникнуть соблазн прямых сравнений с современными понятиями о гигиене, что вполне естественно, но неверно с научной точки зрения, так как будет искажать картину его восприятия современниками.

Следует также помнить, что гигиеническая практика различных социальных прослоек была неоднородной. Например, то, что было вполне естественным для представителей социальных низов, могло быть неприемлемо для верхов общества. К тому же гигиеническая практика в значительной степени зависела от мировоззренческих установок, в данном случае имеется в виду ритуальная гигиена ислама.

Необходимо отметить, что зачастую представители иных, наблюдающих культур излишне строго судят о гигиенической практике того или иного народа, выходящей за рамки их привычных представлений. Авторы XIII в., характеризующие население государств Чингизидов, в большинстве своем пишут о кочевниках-монголах, пришедших в степи Восточной Европы из Центральной Азии. Подобное обстоятельство объясняется тем, что именно монголы явились основателями империи, и это определяло интерес именно к данной этнической группе. Между тем в государствах Чингизидов они составляли лишь малую часть населения, причем в значительной степени были представителями элиты. Поэтому не совсем верно распространять гигиеническую практику рядовых монголов на все кочевое население и тем более на все периоды существования государств кочевников. А проследить эволюцию весьма проблематично, если не сказать – невозможно. Кроме того, существовали объективные факторы, выражающиеся в природно-климатических и хозяйственно-бытовых условиях, предопределившие гигиенический уклад номадов вне зависимости от их этнокультурной принадлежности, что может быть подтверждено данными источников, освещающих жизнь и быт кочевников степной Евразии предшествующих и последующих эпох.

Гигиена в современном понимании – это область медицины, изучающая влияние условий жизни и труда на здоровье человека и разрабатывающая меры, направленные на предупреждение заболеваний, обеспечение оптимальных условий существования, укрепление здоровья и продление жизни [1; 2, с. 6].

Личная гигиена является системообразующим элементом формирования и обеспечения здорового образа жизни каждого человека. Она связана с нормами и правилами предупреждения заболеваний, сохранением и укреплением здоровья путем соблюдения гигиенических требований в повседневной жизни и деятельности. Личная гигиена в интересующем нас аспекте включает сложившиеся стереотипы поведения человека, характеризующиеся определенными действиями и мерами, направленными на сохранение и укрепление собственного здоровья [3, с. 674].

Гигиена тела. Вероятно, кочевники понимали связь между соблюдением или несоблюдением чистоты тела и многими болезнями. Эмпирически они, естественно, осознавали, что необходимо мыть грязные участки тела. Но следует помнить, что представления о «грязноте» тела у наших современников и людей того времени не совпадают. Кроме того, очевидно, что людям рассматриваемой эпохи не были известны микроорганизмы и вирусы, приводящие к всевозможным заболеваниям, которые чаще всего попадали в организм человека через загрязненные руки и продукты.

Гигиена тела в первую очередь связана с чистотой кожи. Свои многообразные функции кожа выполняет, будучи здоровой, а здоровье кожи – результат постоянного и правильного ухода за ней. Ежедневные гигиенические процедуры

номадов включали в себя мытье рук и лица после сна, а также при видимых загрязнениях. Южносунский посол XIII в. Чжао Хун по этому поводу сообщает: «По обычаю татары в большинстве случаев не моют рук, и [они] хватают рыбу или мясо [грязными руками]. Когда на руках появляется жир, [они] вытирают [их] об одежду» (I, с. 75). Папский легат Иоанн дель Плано Карпини (ок. 1180–1252) отмечает: «Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги или траву, или о что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому...» (II, с. 41–42). Посол французского короля Людовика IX Вильгельм де Рубрук (ок. 1215–1295) о личной гигиене кочевников Монгольской империи пишет: «Когда они хотят вымыть руки или голову, они наполняют себе рот водою и мало-помалу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют такой же водою свои волосы и моют себе голову» (III, с. 99–100). О подобных явлениях пишут и авторы XVIII – XIX вв., побывавшие среди кочевников Евразии: «Едят руками. И самые богатые люди едят не на столах, но на разостланных на земле коврах; причем один режет мясо, а прочие берут мясо голыми пальцами, и запивают мясным бульоном» [4, с. 15]; «Едят монголы всегда руками, обыкновенно грязными до отвращения» [5, с. 38]. В то же время кочевники-казахи в этом вопросе характеризуются иначе: «Плотные кушанья киргизы принимают руками, которые обыкновенно предварительно моют» [6, с. 38].

В «Тайной истории монголов» неизвестный автор сочинения устами матери найманского Таян-хана Гурбесу говорит: «Костюм у Монголов невзрачен на вид. От них же самих нестерпимо смердит. Пожалуйста, подальше от них! Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них которые получше *да велеть им вымыть руки и ноги!* (Здесь и далее курсив наш. – Л.А.)» – «Ну, хорошо! – говорит Таян-хан. – Каковы бы там ни были эти Монголы, мы пойдем и доставим сюда их сайдаки» (IV, с. 142–143). Очевидно, эти слова Гурбесу носят уничижительный характер с целью подчеркнуть превосходство найманов над монголами. Но в то же время старая и опытная женщина могла знать о бытовых особенностях жизни монголов и, возможно, в стереотипной форме обрисовала их. Получается, что в отличие от монголов, найманы уделяли больше внимания гигиене своего тела, что могло быть связано не только с особенностями культуры, но и с превосходящим политическим статусом найманских племен, стремившихся к политической гегемонии в степях Центральной Азии.

У некоторых кочевых племен евразийских степей бытовал запрет мыть руки в проточной воде: «Обычай и порядок у монголов таковы, что весной и летом никто не сидит днем в воде, не моет рук в реке, не черпает воду золотой и серебряной посудой и не расстилает в степи вымытой одежды, так как, по их мнению, именно это бывает причиной сильного грома и молнии, а они [этого] очень боятся и обращаются в бегство» (V, с. 49). Подобные запреты имели место у кочевников и в предшествующий период. У Ахмада ибн Фадлана, секретаря багдадского посольства халифа Джафара ибн Абдаллаха ал-Муктадира (908–932) в Булгар, читаем: «Никто из купцов или кто-либо другой не может совершать омовения после нечистоты в их присутствии, кроме как ночью, когда

они его не видят. И это потому, что они гnevаются и говорят: “Этот хочет вас околдовать, так как он устал в воду”, – и штрафуют его деньгами» (VI, с. 725). В связи с этим для гигиенических целей следовало использовать воду, предварительно вычерпнутую или набранную из водоема.

Российский монголовед Галсан Гомбоев (1822–1863), комментируя данные Иоанна дель Пано Карпини, пишет: «Все, что Пано-Карпини говорит о неопрятности древних Монголов, во всей полноте прилагается и к нынешним» [7, с. 255]. Наблюдатели более позднего времени также отмечают нечистоплотность рядовых монголов: «В обыденной жизни монголов путешественнику, прежде всего, бросается в глаза их страшная нечистоплотность. В течение всей жизни номад ни разу не моет свое тело; очень редко, и то, как исключение, некоторые из них умывают кой-когда лицо или руки. <...> Нечистоплотность и грязь, в которой живут номады, обуславливается отчасти их отвращением, даже боязнью воды или сырости. <...> Сырость на него действует так же пагубно, как и на верблюда, что конечно объясняется привычкой организма постоянно жить в сухом климате»¹ [5, с. 35]. Сходная картина дана и академиком И.М. Майским (1884–1975), побывавшим в Центральной Азии в рамках монгольской экспедиции 1919–1920 гг.: «Как всякий малокультурный человек, монгол живет в грязи и нечистоте. Употребление мыла монголу неизвестно. Руки и лицо он иногда еще ополаскивает холодной водой, но тело не моет никогда. Поэтому с течением времени кожа его покрывается толстой и плотной корой грязи» [8, с. 36].

Представители верхов общества государств Чингизидов, так же как и рядовые кочевники, совершали ежедневные утренние гигиенические процедуры: «По милости господней Газан рано поднялся и умывал лицо» (VII, с. 144). Все же в среде знати личной гигиене уделялось больше внимания, что находит свое выражение в отношении к баням. Во все времена правящая кочевая элита стремилась воспользоваться благами цивилизации, в том числе и термами, которые были широко распространены в античной культуре. Так, Приск Панийский, восточно-римский посол и историк V в., лично побывавший в ставке гуннского вождя Аттилы, пишет о бане его советника Онегесия: «За царскими хоромами выдавались хоромы Онегесия, также окруженные деревянной оградой; но она не была украшена башнями подобно тому, как у Аттилы. Неподалеку от ограды была баня, которую устроил Онегесий, пользовавшийся у скифов большим значением после Аттилы. Камни для нее он перевозил из земли деонов [т. е. из Паннонии], так как у варваров, населяющих эту область, нет ни камня, ни дерева, и они употребляют привозной материал. Строитель бани, привезенный из Сирмия пленник, ожидавший освобождения за свое искусство, неожиданно попал в беду, более тяжкую, чем рабство у скифов: Онегесий сделал его банщиком, и он служил во время мытья ему самому и его домашним» (VIII). У византийского историка конца VI – первой трети VII в. Фиофилакта Симокатты, повествующего о завоеваниях авар в Иллирии, также имеется сюжет о бане: «Взяв Августы и Виминачий (это были известные города, находившиеся в ведении префекта Иллирии), он [правитель авар. – Л.А.] тотчас отправился с войском дальше, разграбил Анхиал и все окружающие поселки предал опустошению. Но здание

¹ Сохранена авторская пунктуация. – Л.А.

с горячими источниками он приказал не разрушать. До нас дошел слух, будто в этих банях мылись жены кагана и... просили его не разрушать здания бань. Говорят, что эти воды были полезны для моющихся и содействовали их здоровью» (IX, с. 584).

Уместно также вспомнить сведения Геродота, который дает следующее описание скифской бани: «После похорон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащают и затем промывают голову, а тело [очищают паровой баней], поступая так: устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни. <...> Взяв... конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются» (X, с. 205). Вполне вероятно, что и у золотоордынских кочевников могли практиковаться подобные кочевнические бани.

Чингизиды и прочие представители ордынской элиты приобщились к банным процедурам и стали периодически посещать бани. Рашид ад-Дин пишет о прибытии Абага-хана (1265–1282) в Шервияз и посещении им местной бани (VII, с. 62). Очевидно, и среди золотоордынской кочевой аристократии банные процедуры стали весьма популярными, о чем может свидетельствовать тот факт, что практически в каждом золотоордынском городе археологи обнаруживают остатки этих сооружений [9, 10]. При этом не следует исключать и возможности посещения городских бань некоторыми рядовыми членами общества кочевников, в особенности приобщившимися к исламу. В Улусе Хулагу при Газан-хане (1295–1304) даже издается указ о повсеместном строительстве мечетей и бань: «Государь повелел и издал державный указ, чтобы во всех владениях построили в деревнях мечети и бани, а те, которые не построят, будут виновны и грешны. Почти в два года во всех владениях построили всюду, где не было, и в настоящее время с тех бань получается изрядная арендная плата» (VII, с. 294). Однако подчеркнем, что в данном случае речь идет об оседло-земледельческом населении, а не о кочевниках. Кроме того, следует связать этот указ с исламизацией Чингизидов. Тем не менее, учитывая сходные процессы, происходившие в Улусе Джучи, а также результаты археологических изысканий золотоордынских городищ, можно допустить, что и ордынские правители могли издавать подобные ярлыки.

Кочевникам издревле были известны целебные свойства горячих источников, и, очевидно, они не упускали случая принять горячие ванны [11]. Но горячие источники, теплые воды использовались прежде всего с лечебными целями.

Трудно сказать, насколько частыми были водные процедуры кочевников у рек или в реках, если учесть вышеупомянутый запрет, существовавший у монголов XIII в. Можно задаться вопросом: а распространялся ли подобный запрет на озерную, стоячую воду? Допускалось ли купание ночью, так как современники пишут об ограничении именно в дневное время? Однозначно ответить на эти вопросы не просто. Жизненный уклад, как правило, намного сложнее существующих

в обществе обычаев. Известно, что номады старались устраивать свои стойбища у рек [12, с. 180], что определялось не только потребностями их скота, но и собственными, в том числе гигиеническими нуждами. Пригоняя табун на водопой, кочевники-пастухи, в особенности в летнюю жару, вместе со своими лошадьми входили в воду. В знойную погоду лошади, как и люди, не прочь хотя бы ненадолго окунуться в прохладную воду. К тому же кочевникам часто приходилось преодолевать вброд глубокие водные преграды (XI, с. 150–151, 212), что также способствовало очищению тела. Многие крупные реки, протекающие по территории степной зоны (Волга, Днепр, Дунай, Дон, Урал и др.), всегда были достаточно полноводными. Кроме того, если в евразийских степях летне-осенний период характеризуется обмелением и пересыханием небольших рек, то в монгольских степях летом наступает сезон дождей, и в результате уровень воды в реках поднимается, и они становятся бурными [8, с. 9]. По этой причине кочевники практиковали гигиенические процедуры у водоемов. Здесь уместно привести данные Ибн Фадлана, повествующего о болгарях, еще ведших кочевой образ жизни: «Мужчины и женщины спускаются к реке и моются вместе голые, не закрываются друг от друга и не совершают прелюбодеяния никоим образом и никаким способом» (VI, с. 736).

В зимнее время гигиенические процедуры приобретали иной характер, что было связано с суровыми климатическими условиями, затруднявшими использование воды в жидком состоянии. Об этом, описывая быт кочевых огузов X в., Ибн Фадлан сообщал: «Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой» (VI, с. 724). Закономерно предположить, что в таких условиях кочевник мог использовать для гигиенических целей снег. Но при этом не следует забывать, что обитатели степей всегда испытывали острый дефицит в материалах для отопления. Чтобы растопить снег и согреть воду, нужно было развести огонь, а это влекло за собой расходы дров, поэтому горячие ванны у них не практиковались. Вот как пишут наблюдатели кочевого образа жизни: «Зимой женщины ежедневно собирали сучья и кустарник. Здесь нет ни того, ни другого; приходится поэтому обходиться или кизяком (тэзэк), т. е. сухим бараньим пометом, или же выкорчевывать корни степных многолетников, вроде полыни и т. п. Этим делом в досужее время занимаются все члены семьи, хотя, опять-таки, главная доля работы падает на женщину...» [13, с. 5]. «Тяжелую и неприятную работу женщины зимой составляет собирание хвороста для топлива. Во многих местах близ зимовок он совершенно почти истреблен; приходится ездить далеко, что при вьюге не особенно приятно. Многие запасают на зиму сухой помет – (бараний тезек) но запасов этих на всю зиму не всегда хватает» [13, с. 19]. Отчасти поэтому многие кочевники располагали свои зимние стойбища на берегах рек, заросших высоким камышом, который служил не только защитой от зимних вьюг и кормом для скота, но и материалом для отопления. Следует отметить, что они предпочитали аргал/кизяк, то есть сухой помет скота, дровам еще и потому, что от первого не разлетаются искры, представляющие угрозу не только войлочным покрытиям, но и всей юрте с ее обитателями [12, с. 172]. По причине нехватки дров кочевники также редко употребляли горячую пищу: «Они совершенно не знают, что такое зубные болезни. Зубы у них словно перлы – [ведь] они всю свою жизнь не едят горячего» (XII, с. 169).

Гигиена волосяного покрова. Гигиенические процедуры также включали уход за волосяным покровом головы. Как известно, к загрязнению волос приводят две главные причины: окружающая среда и сальные железы на голове, на интенсивность работы которых оказывает влияние возраст, состояние здоровья, генетические особенности и уровень стресса. Повышенному загрязнению способствует и постоянное ношение головного убора.

Иоанн дель Пано Карпини дает следующее описание прически представителя Монгольской империи: «На маковке головы они имеют гуменце наподобие клириков, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гуменцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом» (II, с. 34). Женщины заплетали волосы в косы [14, с. 181].

Символическое значение вышеописанной прически рассматривалось в статье А.Г. Юрченко [15]. Здесь мы обратимся к гигиенической стороне вопроса. Как уже указывалось, Вильгельм де Рубрук писал: «Когда они хотят вымыть руки или голову, они наполняют себе рот водою и мало-помалу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют *такой же водою свои волосы и моют себе голову*» (III, с. 99–100). Надо полагать, мытье головы не относилось к ежедневным гигиеническим процедурам.

Как известно, одним из признаков монголоидной расы является очень слабый рост волос на лице и теле. Современники отмечали, что кочевники не носили густых бород: «Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которых они отнюдь не стригут» (II, с. 34). Эвлия Челеби, османский автор XVII в., описывая внешний облик калмыков, отмечает: «На теле у них совершенно нет волос, бороды чрезвычайно редкие – в бороде всего сорок-пятьдесят волосков» (XII, с. 169), теми же словами он описывает ногайцев: «Народ этот злой, с редкими усами и бородой, кажется, по пятьдесят волосков» (XII, с. 55). Для выщипывания бород использовали щипцы – испик, имеющие вид равнобедренного треугольника с широкими краями [14, с. 183]. Туалетные щипцы встречаются и в погребениях кочевников Золотой Орды [16, с. 86]. И в более позднее время кочевники продолжали использовать подобные щипчики: «Кроме того, они носят на поясе... щипчики, которыми выщипывают волосы из бороды, если она растет слишком густо» [17, с. 331]. Современники не пишут, чем именно кочевники брили голову, но более поздние авторы отмечают: «Вообще монголы для бритья не употребляют бритв, а поясные китайские ножи; для легкого же снятия волос, вместо намыливания, промачивают оные теплою или несколько горячевою водою. Сей обычай взят от китайских брадобреев» [12, с. 176].

Гигиенические средства и принадлежности. Для ухода за волосами кочевники использовали гребни. Гребни обнаруживаются при раскопках на археологических памятниках номадов всех этапов развития их государств в Великой степи [18, 19]. Ярким свидетельством тому являются находки из знаменитых

скифских курганов (например: золотой гребень из кургана Солоха и др.). Рашид ад-Дин пишет об ильхане Аргуне (1284–1291): «Однажды он расчесывал гребнем волосы и их много, выпав, осталось на гребне» (VII, с. 117). Большое количество гребешков из дерева, металла, кости, найденных в ходе археологических исследований золотоордынских городищ, свидетельствует о том, что люди того времени заботились о своих волосах [16, с. 78]. В золотоордынских памятниках чаще всего встречаются двусторонние деревянные и костяные гребни, одна сторона трапециевидных гребней с частыми зубцами, другая с редкими. Гребни могли иметь специальные отверстия для подвешивания на пояс.

Для гигиенических процедур также использовались ножницы [16, с. 84]. На археологических памятниках Золотой Орды обнаруживают такие достаточно популярные и издавна известные в Великой степи туалетные принадлежности, как копоушки, которые изготавливались из металла или чаще из кости и основной функцией которых была чистка ушей [20, с. 143; 21].

Косметические и гигиенические средства, такие как белила, гребни, зеркала, ножницы, а также мешочки с косметическими принадлежностями, носили в специальных футлярах, изготовленных из кожи, дерева, ткани. Футляры, в отличие от сумок, чаще всего встречаются в женских погребениях. По данным археолога Р.Р. Каримовой, эти аксессуары находили рядом с погребениями лиц, возраст которых варьировался в диапазоне от 20 до 65/70 лет [22, с. 76; 16, с. 86]. В мужских и женских захоронениях кочевников Золотой Орды обнаруживаются удовлетворительно сохранившиеся кожаные сумки прямоугольной формы с застежками, которые, возможно, прикреплялись к поясу сбоку. Сумки были характерны для мужского костюма кочевников Улуса Джучи; возможно, наличие сумок и футляров в погребениях объясняется тем, что в одежде кочевников Золотой Орды отсутствовали карманы. Следует обратить внимание на тот факт, что в сумках также обнаруживаются гребни, зеркала, ножницы и др. Это однозначно свидетельствует о том, что представители мужского пола уделяли не меньше внимания гигиеническим процедурам, чем женщины. Необходимо подчеркнуть, что футляры и сумки использовались представителями всех слоев золотоордынского общества [22, с. 76–77].

Мыло – уникальное изобретение человечества, уничтожающее большинство микроорганизмов, – было также известно кочевникам. Например, в эпосе «Идегей» читаем: «Мылом не выбелить того, кто родился черным на свет»² (XIII, б. 100). Многочисленные бани, существовавшие в золотоордынских городах, тоже, очевидно, свидетельствуют о распространении мыла. Военный инженер, этнограф И.Г. Андреев (1744–1824) дает описание процесса изготовления мыла кочевниками-казахами: «Варят мыло из сала и золы в тех же котлах чугуновых, в коих варят и пищу. Мыло сие весьма черно и крепко как камень, но для мытья весьма хорошо и мылко, ибо оным из белья выводятся всякие пятна» [23]. Но все же этих сведений недостаточно для того, чтобы говорить о широком распространении мыла в кочевой среде в рассматриваемую эпоху.

Таким образом, вышеизложенные материалы позволяют сделать вывод о том, что гигиеническая культура номадов имела свои характерные черты,

² Перевод наш. – Л.А.

обусловленные не только образом их жизни, но и спецификой мировоззрения, что наиболее ярко выражается в запрете стирки одежды из-за страха перед таким явлением, как молния.

По итогам настоящего исследования нами выделены следующие отличительные особенности гигиенической культуры кочевого населения государства Чингиз-хана и его наследников.

1. Ежедневные утренние гигиенические процедуры (мытьё рук и лица), а также мытьё рук при видимых загрязнениях и перед приемом пищи руками; увлажнение волосяного покрова головы, уход за бородой и усами; редкая борода, являвшаяся антропологической особенностью монголоидной расы, предопределила ее выщипывание специальными щипцами.

2. Среди кочевников Великой степи в течение долгого времени бытовал запрет на мытьё в проточной воде, который, очевидно, сохранялся вплоть до утверждения ислама, вследствие чего номады вынуждены были использовать предварительно набранную из источников воду.

3. Полное мытьё тела практиковалось рядовыми кочевниками в редких случаях, в частности при приеме так называемых кочевнических бань. Природно-климатические особенности способствовали полному омовению только в теплое время года, например, во время речных переправ. Представители верхов общества, прежде всего члены правящей элиты, были приобщены к мусульманской банной культуре.

4. Кочевникам Великой степи были издревле известны целебные и гигиенические свойства горячих источников.

5. Для гигиенических процедур номады евразийских степей использовали различные туалетные принадлежности и средства, среди которых гребни, ножницы, копоушки, зеркала, косметические средства (белила), а также мыло и др.

Источники

- I – *Чжао Хун*. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит. Н.Ц. Мункуева. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
- II – *Плано К.Дж. дель*. История монгалов // История монгалов / Дж. дель Плано Карпини; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук; Книга Марко Поло / Вступ. ст., комм. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С. 30–85.
- III – *Рубрук Г. де*. Путешествие в Восточные страны // История монгалов / Дж. дель Плано Карпини; Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук; Книга Марко Поло / Вступ. ст., комм. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – С. 88–189.
- IV – *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niᠦᠴᠢᠨ tobèj an*. Юань чао би ши: Монг. обыденный сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. – 619 с.
- V – *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей: в 3 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – 248 с.
- VI – *Ибн Фадлан*. Рисала // История татар: в 7 т. – Казань: РухИЛ, 2006. – Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. – С. 714–744.
- VII – *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей: в 3 т. / Пер. с перс. А.К. Арендса. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – Т. 3. – 340 с.

- VIII – *Приск Панийский*. Готская история // Восточная литература. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frametext.htm>, свободный.
- IX – *Феофилакт Симокатта*. История // Великая Степь в античных и византийских источниках: Сб. материалов / Сост. и ред. А.Н. Гаркавца. – Алматы: Баур, 2005. – С. 583–638.
- X – *Геродот*. История в 9 книгах. Кн. 4. / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- XI – Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. / Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. – Л.: Наука, 1971. – 274 с.
- XII – *Челеби Э*. Книга путешествия (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века): в 2 вып. – М.: Наука, 1979. – Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – 288 с.
- XIII – Идегэй: Татар халык дастаны. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1994. – 255 б.

Литература

1. *Сидоренко Г.И.* Гигиена // Малая медицинская энциклопедия: в 6 т. – М.: Сов. энцикл.: Большая Рос. энцикл.: Медицина, 1991. – Т. 1. – С. 440.
2. *Габович Р.Д., Познанский С.С., Шахбазян Г.Х.* Гигиена. – Киев: Вища шк., 1984. – 320 с.
3. Гигиена с основами экологии человека / В.И. Архангельский и др.; под ред. П.И. Мельниченко. – М.: ГЭОТЛР-Медиа, 2011. – 752 с.
4. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: в 4 т. – СПб., 1799. – Т. 4: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованных козаков, также история о Малой России и купно о Курландии и Литве. – 385 с.
5. *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной Нагорной Азии Н. Пржевальского: в 2 т. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. – Т. 1 с маршрутной съемкой путешествия. – 383 с.
6. *Зеланд Н.* Киргизы: Этнологический очерк // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – 1885. – Кн. 7, вып. 2. – С. 1–84.
7. Гомбоев Г. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // Труды Вост. отд. ИРАО. – 1859. – Ч. IV. – С. 236–256.
8. *Майский И.М.* Современная Монголия: отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской Конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительных Обществ «Центросоюз». – Иркутск: Б.и., 1921. – 333 с.
9. *Зиливинская Э.Д.* Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. – М.: ООО «Пандора-1», 2001. – С. 174–226.
10. *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 217–260.
11. *Абзалов Л.Ф.* «Горячий ключ от кручины болезней»: из практики водолечения в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 756–769.
12. *Бичурин Н.Я.* Записки о Монголии: в 2 т. – СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828. – Т. 1. – 231 с.
13. *Краснов А.Н.* Очерк быта семиреченских киргиз. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. – 46 с.
14. *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

15. *Юрченко А.Г.* Монгольская мужская прическа XIII века // *Mongolica-VI*. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. – С. 63–68.
16. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 274 с.
17. *Гедин С.* В сердце Азии: Памир. Тибет. Восточный Туркестан: Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 гг.: в 2 т. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1899. – Т. 2. – 457 с.
18. *Туаллагов А.А.* Гребни из древних и средневековых погребений кочевников Северного Кавказа и Северного Причерноморья // *Адыги.ru*. – 2018. – 22 сент. – URL: <https://www.adygi.ru/index.php?newsid=1100>, свободный.
19. *Сдыков М.Н.* Таксайский гребень // *Qazaqstan tarihy*. – 2014. – 15 сент. – URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/735>, свободный.
20. *Недашковский Л.Ф.* Ремесло Золотой Орды // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – 2013. – № 3. – С. 136–154.
21. *Салангина С.В.* Копоушки как исторический источник: По материалам археологических памятников Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2004. – 24 с.
22. *Каримова Р.Р.* Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 212 с.
23. *Андреев И.Г.* Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1780-1800/Andreev/text2.htm>, свободный.

Поступила в редакцию
18.09.2020

Абзалов Ленар Фиргатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: len_afzal@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2020, vol. 162, no. 6, pp. 22–34

doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.22-34

Hygiene Culture of Nomads in the Eurasian Steppes during the 13th–15th Centuries

L.F. Abzalov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: len_afzal@mail.ru

Received September 18, 2020

Abstract

Based on a comprehensive study of various written sources and ethnographic materials, this paper considers some aspects of personal hygiene of nomads, who lived in the Eurasian steppes during the 13th–15th centuries, i.e., primarily in the states of Genghis Khan and his descendants. Regarding both similar living conditions and ethnocultural situation, as well as the important role of traditions in the nomadic

society of Central Asia, the data of the ethnographic sources about the everyday life of nomads during the subsequent eras (in the 16th–20th centuries) were extrapolated to the nomadic society of Genghis Khan's states. The body hygiene procedures (associated with face, hands, and head hair) were analyzed. The main personal hygiene products (combs, scissors, mirrors, cosmetics (white paint), soap, etc.) were described. It was revealed that the hygiene culture of nomads in the Eurasian steppes developed under the influence of the following objective factors: nature and climate, economic and living conditions. In this process, the faith-related factors and the worldview were also critical, mostly in Ulus and Jochi. The hygiene knowledge and practices of all nomads were generally similar, but there were some specific features associated with their ethnocultural background.

Keywords: personal hygiene, hygiene procedures, nomads, Great Steppe, states of Genghis Khan's descendants

References

1. Sidorenko G.I. Hygiene. In: *Malaya meditsinskaya entsiklopediya* [Small Medical Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow, Sov. Entsikl., Bol'shaya Entsikl., Meditsina, 1991. 440 p. (In Russian)
2. Gabovich R.D., Poznanskii S.S., Shakhbazyan G.Kh. *Gigiena* [Hygiene]. Kiev, Vishcha Shk., 1981. 320 p. (In Russian)
3. Arkhangel'skii V.I. *Gigiena s osnovami ekologii cheloveka* [Hygiene with the Basics of Human Ecology]. Mel'nicenko P.I. (Ed.). Moscow, GEOTLR-Media, 2011. 752 p. (In Russian)
4. Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei* [Description of All Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Houses, Activities, Games, Faith, and Other Memorable Characters]. Vol. 4: About the Mongols, Armenians, Georgians, Indians, Germans, Poles, and the ruling Russians, with all the names of the Cossacks, and the story of Little Russia, as well as Courland and Lithuania. St. Petersburg, 1799. 385 p. (In Russian)
5. Przheval'skii N.M. *Mongoliya i strana tangutov. Trekhletnee puteshestvie v Vostochnoi Nagornoj Azii N. Przheval'skogo* [Mongolia and the Tangut Country. Three Years of N. Przheval'skii's Travel in the Eastern Highland Asia]. Vol. 1: With route survey. St. Petersburg, Tip. V.S. Balasheva, 1875. 383 p. (In Russian)
6. Zeland N. Kyrghyzs: An ethnological essay. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo Otdela IRGO*, 1885, vol. 7, no. 2, pp. 1–84. (In Russian)
7. Gomboev G. On ancient Mongolian customs and superstitions as described by Giovanni da Pian del Carpine. *Trudy Vostochnogo Otdeleniya IRAO*, 1859, pt. IV, pp. 236–256. (In Russian)
8. Maiskii I.M. *Sovremennaya Mongoliya: otchet Mongol'skoi ekspeditsii, snaryazhennoi Irkutskoi Kontoroi Vserossiiskogo Tsentral'nogo Soyuza Potrebitel'nykh Obshchestv "Tsentrosoyuz"* [Contemporary Mongolia: A Report of the Mongolian Expedition Organized by the Irkutsk Branch of the All-Russian Central Union of Consumer Societies, "Tsentrosoyuz"]. Irkutsk, B.I., 1921. 333 p. (In Russian)
9. Zilivinskaya E.D. Baths of the Golden Horde. In: *Praktika i teoriya arkhelogicheskikh issledovaniy* [Practice and Theory of Archaeological Studies]. Moscow, Pandora-1, 2001, pp. 174–226. (In Russian)
10. Sharifullin R.F. Bulgarian baths and their study. In: *Gorod Bolgar: Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo* [Bolgar: Building of Monuments, Architecture, and Landscaping]. Moscow, Nauka, 2001, pp. 217–260. (In Russian)
11. Abzalov L.F. "Hot spring for cure of diseases": On the practice of hydropathy in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe Obozrenie*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 756–769. (In Russian)
12. Bichurin N.Ya. *Zapiski o Mongolii* [Notes about Mongolia]. Vol. 1. St. Petersburg, Tip. Karla Kraiyya, 1828. 231 p. (In Russian)
13. Krasnov A.N. *Ocherk byta semirechenskikh Kirgiz* [Essay on the Everyday Life of the Kyrghyzs in the Semirechye Region]. St. Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1887. 46 p. (In Russian)
14. Weinstein S.I. *Mir kochevnikov tsentra Azii* [Nomadic World of Central Asia]. Moscow, Nauka, 1991. 296 p. (In Russian)
15. Yurchenko A.G. Mongolian men's hairstyle of the 13th century. In: *Mongolica-VI*. St. Petersburg, Peterb. Vostokoved., 2003, pp. 63–68. (In Russian)

16. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans: Archaeological Records]. Moscow, Izd. MGU, 1966. 274 p. (In Russian)
17. Hedin S. *V serdse Azii: Pamir. Tibet. Vostochnyi Turkestan: Puteshestvie Svena Gedina v 1893–1897 gg.* [In the Heart of Asia: Pamir. Tibet. Eastern Turkestan. Sven Hedin's Journey in 1893–1897]. Vol. 2. St. Petersburg, Izd. A.F. Devriena, 1899. 457 p. (In Russian)
18. Tuallagov A.A. Combs from the ancient and medieval burials of nomads in the North Caucasus and the northern Black Sea region. *Adygi.ru*. Available at: <https://www.adygi.ru/index.php?newsid=1100>. (In Russian)
19. Sdykov M.N. Taksai comb. *Qazaqstan tarihy*. Available at: <https://e-history.kz/ru/publications/view/735>. (In Russian)
20. Nedashkovsky L.F. The Golden Horde craft. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*, 2013, no. 3, pp. 136–154. (In Russian)
21. Salangana S.V. Ear picks as a historical source. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Izhevsk, 2004. 24 p. (In Russian)
22. Karimova R.R. *Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoi Ordy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya)* [Elements of Decoration and Accessories of Nomadic Costume in the Golden Horde]. Kazan: Inst. Ist. im. Sh. Mardzhani AN RT, 2013. 212 p. (In Russian)
23. Andreev I.G. Description of the Middle Horde of the Kyrgyz-Kaisaks. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1780-1800/Andreev/text2.htm>. (In Russian)

Для цитирования: Абзалов Л.Ф. Гигиеническая культура номадов евразийских степей XIII – XV вв. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 6. – С. 22–34. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.22-34.

For citation: Abzalov L.F. Hygiene culture of nomads in the Eurasian steppes during the 13th–15th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 6, pp. 22–34. doi: 10.26907/2541-7738.2020.6.22-34. (In Russian)